

Абдыраманова Чолпон Шабданбаевна,
кандидат политических наук, директор Высших курсов администрирования и управления Академии государственного управления при Президенте Киргизской Республики, г. Бишкек

Муфтии как представители религиозной элиты в политических процессах Киргизской Республики

Аннотация. В статье рассматривается становление института муфтиев как представителей религиозной элиты в политических процессах Киргизской Республики и различные стороны их участия в этих процессах. Анализируется период от начала обретения независимости до настоящего времени. Борьба за власть среди религиозных элит Киргизстана приобретала иногда неприглядные формы. Предлагается рассмотреть развитие института муфтиев через призму четырех этапов: «старой школы», «транзита», «новой генерации/скандальной волны» и «госзаказа». Существует необходимость выработки очень взвешенного подхода к взаимодействию религиозных и административно-политических элит Киргизской Республики.

Ключевые слова: ханафитский мазхаб, муфтий, религиозная элита, шариат, хадж, шейит, религиозная эпоха, административно-политическая элита, дават.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Исторически на территории современного Киргизстана получил распространение ислам суннитского толка – ханафитский мазхаб. В советский период большая часть верующих мусульман проживала на территории Ошской области (в настоящее время Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области), где в то время в сельской местности практически все взрослое мужское население и определенная часть взрослого женского населения читали намаз и соблюдали все мусульманские предписания (согласно так называемому «народному исламу»), в то время как молодое поколение, видя пример старших, также воспринимало мусульманское вероисповедание как неизменную часть своей сущности и ментального состояния. В советский период в религиозных учреждениях обучались большей частью выходцы из Ошской области, и не случайно поэтому все муфтии уже независимого Киргизстана являлись выходцами из этой области Советского Киргизстана, с соответствующим образованием и бэкграундом. Если же мы говорим уже о путях проникновения ислама в северные регионы Киргизстана, то в большей мере оно прошло стремительный рывок за годы независимости. В 1991 г., после обретения государственной независимости, Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» открыл широкий путь к возрождению всех религий, в первую очередь возрождению ислама.

После крушения СССР религия заполнила пустоту в духовной сфере в сложнейший период трансформационного социально-политического развития общества. Некоторые эксперты при этом полагают, что вначале в религию исламского толка подавалась маргинальная часть населения (исходя из данных о том, что подавляющее число верующих, 82,7%, в Киргизской Республике – мусульмане) [1], пытавшаяся найти духовную поддержку в сложившихся трудных обстоятельствах смены общественно-политического строя в трансформационный период, и они нашли ее в лице арабских проповедников и грантодателей, заполонивших Киргизстан в 90-е и «нулевые». Более того, войдя в религию, маргиналы нашли те самые «социальные лифты», которые подняли их из маргинальной страты к положению «почитаемых граждан общества».

Хотя вопрос «маргинальности» религиозных элит Киргизстана является спорным, поскольку в период до обретения независимости нашей страной религиозная сфера была настолько закрытой, что существование элит либо не элит в этой сфере требует в перспективе особого изучения соответствующими специалистами в этой области, исходя из понятия элиты в общем и широком смысле слова в профессиональных сферах и иерархиях [2].

В целом же в советский период религиозные лидеры в течение многих десятилетий подвергались гонениям и в отдельных случаях остракизму. Это было понятно, поскольку в советском государстве, именовавшем религию «опиумом для народа», иного отношения к религиозным деятелям ожидать не приходилось. Однако нужно сказать, что в южных областях Советской Киргизии почитание молдо и религиозных лидеров сохранялось в латентном состоянии, в самые в целом трудные для религии 50-е, 60-е, 70-е гг. и в начале 80-х гг. Конечно же, говорить о каком-либо серьезном влиянии на политические процессы в Стране Советов со стороны религиозных представителей говорить не приходится. Однако после обретения независимости вопрос возможности степени влияния религии на кратологические аспекты жизни общества претерпел значительные изменения в пользу последней.

Вопросы взаимодействия власти и религии на протяжении многих столетий идут рука об руку, и это объясняется как сущностными характеристиками религии, так и неискоренимым желанием борьбы за власть и влияние [3]. Безусловно, при этом борьба за власть среди религиозных элит Киргизстана приобретала весьма причудливые формы, вплетаясь и внося своеобразие в протекающие политические процессы. Условно можно выделить четыре основные тенденции смены когорты киргизстанских муфтиев.

Первый этап – «старая школа»: Кимсанбайажи Абдурахманов (1991–1996), молдо Абдысатар Мажитов (1996–2000).

Второй этап – «транзит»: Кимсанбайажи Абдурахманов (2000–2002), Мураталыажи Жуманов (2002–2010).

Третий этап – «новая генерация» («скандальная волна»): Чубак Жалилов (2010–2012), Рахматулла ажи Эгембердиев (2012–2014).

Четвертый этап – «госзаказ»: Максатбекажи Токтомушев (2014 – по настоящее время).

Процессы, происходящие в обществе, не могут не оказывать влияние на качественные признаки представителей религиозной элиты – это неизбежно, а потому ярким представителем «старой школы» является экс-муфтий Кимсанбайажи Абдурахманов. Он родился в Ферганской области, недалеко от города Баткен, религиозное образование получил в медресе «Мир Араб» в Бухаре и в университете Иордании, служил в рядах Советской армии. Он не был избран в первый срок своей деятельности (1991–1996) в качестве муфтия, а как бы «заслужил» эту должность благодаря своей активности.

И в связи с этим хотелось бы провести аналогию с судьбой представителя религиозной элиты Узбекистана аналогичного периода Мухаммада Садыка Мухаммада Юсуфа, который также получил религиозное образование в медресе «Мир Араб» в Бухаре, в университете «Даъва Исламия» в Триполи (Ливия) и служил в рядах Советской армии. К примеру, в советский период Кимсанбайажи Абдурахманов работал (в середине семидесятых) в журнале «Мусульмане Советского Востока» в Ташкенте, где в это же время начинал трудовую деятельность Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. После обретения Киргизстаном и Узбекистаном независимости их профессиональные судьбы были во многом схожими: они были первыми, кто добивался разрешения открывать мечети, исламские учебные заведения, издавать религиозную литературу, исполнять множество религиозных обязанностей, запрещенных в годы советской власти, находил возможности для осуществления паломничества верующими мусульманами, каждый для своей

страны. Поэтому мы не ошибемся, если назовем их обоих своего рода сподвижниками в этом вопросе, которые сделали огромный вклад в процессы широкой реисламизации, перестройки мировосприятия своих современников именно благодаря своим глубоким знаниям, написанием богословских трудов и умением толкования религиозных текстов, хотя именно за «неправильное» толкование шариата Кимсанбайажи Абдурахманов был в 2002 г. отстранен от должности муфтия во второй период управления в ДУМ-Ком. Именно в этот период религия начинает робко входить в русло политических процессов, происходящих в обществе, и начинает набирать силу.

Молдо Абдысатар Мажитов, первый уже официально избранный муфтий Киргизской Республики в период с 1996 по 2000 г., родился в Джиргатальском районе Республики Таджикистан, учился в религиозных институтах Средней Азии советского периода, был истинным представителем «народного ислама» – не публичным, не конфликтным, единственным из всех муфтиев, покинувшим свой пост без скандалов, но при этом сделавшим мало заметного на своем посту.

Следующий период – «транзит», то есть наметившийся переход от советского наследия к следующему периоду, трансформационному. К сожалению, чересчур либеральная политика нашего государства в религиозной сфере стала давать не только положительные, но и весьма отрицательные результаты. Изменения, происходящие в обществе, не могли не сказаться на религиозной сфере, уже почувствовавшей свою силу и старающейся расширить поле влияния на умы умножающихся с каждым днем верующих. Толкование религиозных текстов, вернее индивидуальная интерпретация тех или иных религиозных текстов, толкование шариата и прочее становится камнем преткновения в некоторых случаях, к примеру с Кимсанбайажи Абдурахмановым.

В 2002 г. муфтием был избран Мураталы ажи Жуманов. Он родился в Ноокатском районе Ошской области и получил религиозное образование в Киргизстане и Российской Федерации. Он был одним из самых молодых муфтиев в Центральной Азии. Находился на своем посту с 2002 до 2010 г., в годы его управления были нападки на него с обвинениями в коррупции, узурпации власти в совете улемов, потакании коррупционным схемам при организации и проведении хаджа, в прислуживании президентским семьям А. Акаева и К. Бакиева. Последней каплей стал его якобы отказ проводить в последний путь жертв 7 апреля 2010 г. как «шейитов» (шейит – истинный мученик). Де-юре 8 апреля 2010 г. Жуманов написал заявление по собственному желанию, отказываясь от муфтията. В том же апреле 2010 г. Мураталы ажи Жуманов был похищен, вывезен за город и жестоко избит вымогателями (как тут не вспомнить известную фразу известного журналиста В. Познера: «Какие времена – такие нравы!»), но был оставлен живым. Однако в июле того же года скончался, официально от рака, но, конечно же, скоропостижная смерть молодого мужчины породила многочисленные слухи о том, что он умер в результате случившегося жестокого избиения.

После ухода с поста Мураталы ажи Жуманова обязанности муфтия исполняли, с переменным успехом, несколько религиозных лиц до проведения выборов муфтия, при этом весь этот период муфтият «трясло»: драки, угрозы и прочие нелицеприятные вещи происходили в муфтияте. Объяснение этому есть вполне логическое: события, происходящие в муфтияте в тот период, были зеркальным отражением, своего рода «афтершоками», сложных процессов политического переворота апреля 2010 г., вспышки этнического конфликта на юге страны и других «шоковых» последствий антиэволюционной смены власти [4].

В третий период, так называемую «новую генерацию» (или «скандальную волну»), муфтият возглавляют весьма амбициозные представители духовенства. Одной из наиболее больных тем этой сферы в этот период явились вопросы организации

и сопровождения хаджа, но наряду с этим религиозные лидеры, причисляющие себя к элитам, стали выходить за рамки своей сферы, пытаясь оказывать влияние на протекающие политические процессы, иногда такие выпады приобретали весьма агрессивную форму, предпринимались попытки поставить себя выше принятых моральных норм в светском обществе, к коим относится Киргизская Республика, согласно Конституции страны, – в связи с этим, со всей ответственностью, можно говорить об активной позиции и деятельности Ч. Жалилова. При этом хотелось бы подчеркнуть, что это поколение религиозных представителей уже активно использует социальные сети для распространения религиозного знания через телевидение и онлайн, делая это весьма естественно, непринужденно и доступно.

Экс-муфтий Жалилов Чубак ажы родился в Базар-Коргонском районе Джалал-Абадской области, учился в религиозных институтах Киргизстана и Саудовской Аравии. Более всего он запомнился тем, что внедрил оплату онлайн для участников хаджа, тем самым стараясь избежать коррупционных схем при организации хаджа. Нужно сказать, что проблема организации и проведения хаджа является наиболее больной для Киргизстана. Понятно, что дело это весьма прибыльное, а потому существует множество заинтересованных лиц, которые не прочь приложить к этому руку. И поскольку богословы не всегда являются глубоко сведущими в вопросах юриспруденции, практически каждый из муфтиев был замешан в делах, возбужденных по поводу нарушений при организации и проведении хаджа. Не избежали этой участи Чубак ажы Жалилов и Рахматулла ажы Эгембердиев, являясь фигурантами известного дела о нарушениях финансового законодательства.

Однако Чубак ажы Жалилов стал более широко известен в связи с целым рядом ситуаций и конфликтов, в которых он вел себя весьма агрессивно и вызывающе, получая в обществе живую реакцию на свои поступки в позитивном либо негативном ключе. К примеру, активное участие в агитационной работе политических партий при проведении выборов в Жогорку Кенеш Киргизской Республики, конфликт по поводу пятничного намаза с депутатом Жогорку Кенеша Жанаром Акаевым, открытое заявление о наличии второй супруги (согласно канонам шариата), призывом не отмечать праздник Нооруз, поскольку он языческий и т. п.

При более пристальном рассмотрении зарождения любых из упомянутых ситуаций и конфликтов становится понятным, что экс-муфтий пытается всегда оставаться в «топ-новостях» и влиять на свою аудиторию, диктовать религиозные ценности, выставляя их как «традиционные» ценности киргизов. Возможно, им движет желание не просто оставаться на плаву в религиозной сфере, но и быть в центре политических и социальных процессов общества, влиять на него, набирая либо массу «лайков», либо с пеной у рта проклинать кого-то, осмелившегося сказать противоположное его мнению. К примеру, конфликт с парламентарием. Этот конфликт, поделивший общество на две части: «за» и «против», а также разгоревшаяся нещуточная полемика в социальных сетях показали, что антагонистическое противостояние между неистово верующими и неверующими (можно скорректировать это выражение на «верующие модеративно») может разделить киргизстанское общество. Суть дела состояла лишь в том, что на заседании Жогорку Кенеша Киргизской Республики (!) депутатом Тазабеком Икрамовым был поднят вопрос о возможности увеличения длительности обеденного перерыва по пятницам для верующих мусульман в связи с тем, что верующие хотят присутствовать на пятничных намазах в мечетях и, опаздывая на рабочие места, получают дисциплинарные взыскания. Резонное заявление депутата Жанара Акаева о том, что Киргизстан является светским государством и введение такой нормы ущемляет права оставшихся граждан, противоречит Основному закону страны, Трудовому

кодексу и в целом законодательству Киргизской Республики, сильно задело чувства Чубака ажы Жалилова и привело к тому, что он проклял всех, кто поддерживает такую точку зрения, и обещал не петь заупокойную молитву на могилах «отступников» веры. Конфликт, который можно рассматривать как один из эпохальных в этой сфере (т. н. религиозная веха – “Religion Milestone”), показывающий силу религиозных элит, вступающих в откровенную конфронтацию с политическими элитами. Однако светскость государства предусматривает, что вмешательство религии в политические процессы недопустимо и именно государство должно выполнять свою функцию контроля по отношению к религиозной сфере, а не наоборот.

Следующий экс-муфтий условного периода «новой генерации» (или «скандальной волны») – Рахматулло ажы Эгембердиев, также очень молодой представитель религиозной элиты; и элиты потому что, предполагается, был избран из лучших претендентов Советом улемов Духовного управления мусульман Киргизстана. Он родился в Баткенской области, учился в религиозных учреждениях Киргизстана, Турции и Кувейтском университете. История его ухода с поста муфтия связана с аналогичным клинтоновскому «моникагейтом»: сначала в социальные сети было размещено секс-видео с участием Рахматулло ажы Эгембердиева, потом экс-муфтий начал оправдываться, что это была его вторая супруга, «разрешенная» по шариату, далее оправдания перешли в политическое поле, и он обвинил высокопоставленных чиновников в преследовании, а также желании посадить на его место «нужного» человека для Аппарата Президента КР.

Четвертый период, или «госзаказ», начался с избрания действующего муфтия Максата ажы Токтомушева в 2014 г. Он родился в Кара-Кульджинском районе Ошской области, получил образование в светском вузе, а также в религиозных институтах Пакистана. Очень часто Максата ажы Токтомушева называют «ставленником» административно-политических элит Киргизской Республики. В связи с этим есть предположение, что власти, устав от «несговорчивых» муфтиев и сопровождающих эту сферу скандалов, решили «привести» в качестве муфтия лояльную к власти кандидатуру и попутно поднять престиж института муфтия, изрядно подпорченного в периоды «транзита» и «новой генерации» (или «скандальной волны»). Возможно, власти, понимая возрастающее влияние религии на население, предполагают внедрение модернизированного ислама в качестве идеологии, думая о концептуальном пересмотре религиозных идей и представляя модернизированный ислам в виде стратегически управляемой модели.

Наряду с этим муфтия Максата ажы Токтомушева часто обвиняют в том, что он таблиговский эмир. Необходимо отметить, что по этому поводу есть очень острые дискуссии в киргизстанском обществе и в целом в Центральной Азии о том, что в окружении экс-президента Киргизской Республики А. Атамбаева большим влиянием пользовались религиозные лидеры «Таблиги Джамаат», которые формируют направления религиозной политики в стране в последние годы. Сторонники «Таблиги Жамаата» считают, что нужно просвещать все население, внедрять учебные программы в школах и вузах для того, верующий мог отделять зерна от плевел, что является чужой национальной культурой, а что – действительно базовыми ценностями Ислама. Сами сторонники течения считают «Таблиги Джамаат» противовесом для экстремистских организаций. Однако противники «Таблиги Жамаата» оппонируют, что введение таких учебных дисциплин будет означать нарушение Конституции страны в части возможной утраты «светскости» Киргизстана и в части «свободы вероисповедания». Кстати, в Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Казахстане и Российской Федерации деятельность «Таблиги Джамаат» запрещена, а потому и киргизстанским властям нужно очень глубоко анализировать протекающие процессы и прогнозировать возможные результаты, чтобы избежать плачевных

результатов. «А руководство страны, вместо того чтобы строить цивилизованное общество, молчаливо одобряет настораживающие инициативы духовенства» [5], подчеркивают эксперты из Центральноазиатских стран.

Отдельно хотелось бы сказать о работе Фонда «Ыйман». Спектр деятельности фонда широк, но хотелось бы остановиться на одном из наиболее значимых – религии, вернее, усилиях государства управлять процессами, протекающими в религиозной сфере (осуществление финансирования доплат к зарплатам имамов из Президентского фонда, насаждение принципов традиционного ислама ханафитского толка, или «народного ислама», через недешевые социальные ролики, обеспечение обучения даватистов и т. п.) через упомянутый фонд. Можно лишь приветствовать такие действия государства, которое пытается брать бразды правления в свои руки в этом очень важном поле, тем не менее, вопрос влияния течения «Таблиги Джамаат» остается открытым [6], поскольку в какой-то момент внутри течения произошел раскол, некоторая его часть (около 10–15 процентов) отделилась и решила работать вне основного течения [7]. По мнению ряда экспертов, участвовавшие случаи проведения агитации (давата) – это прямая угроза безопасности государства. Если, к примеру, открытая пропаганда в общественном месте идей той или иной религии считается нарушением как минимум общественного порядка, а как максимум – уголовного права, то хождение по квартирам, домам не отражено в законодательстве Киргизской Республики как таковое нарушение. Все это виной, видимо, попустительству государства при проведении массовых ритуалов намаза на центральной площади в столице Киргизской Республики, городе Бишкеке, и, что особенно показательно, с непосредственным участием в осуществлении ритуала молитвы экс-президентом (!) страны А. Атамбаевым – еще один из эпохальных моментов (“Religion Milestone”). Это происходит при существующем катастрофически огромном количестве мечетей на душу населения. По сути, это и есть нарушение основного принципа любого светского государства – отделения религии от государства. Проведение таких массовых религиозных мероприятий с телетрансляцией по первому общественному телевидению угрожающе зомбирует население. Возможно, именно отсюда вытекает вседозволенность при многочисленных даватах, когда агитаторы бесцеремонно вторгаются в частную жизнь граждан: проникают в охраняемые частные владения, агрессивно реагируют на замечания и просьбы покинуть, не входить, не звонить, не стучать в двери и т. п.

Согласно проведенному Государственной комиссией по делам религий Киргизской Республики в 2016 г. исследованию [8], необходимо отметить, что 68,7% граждан Киргизстана считают модель светского государства на примере Киргизстана наиболее эффективной в решении вопросов развития религии, при этом в региональном разрезе наиболее высокий процент положительных ответов на данный вопрос отмечен у жителей Ошской – 83,8%, Таласской – 75% и Джалал-Абадской – 70,4% – областей.

Однако при дальнейшем опросе возникают большие сомнения в том, что граждане Киргизской Республики правильно понимают эту самую модель светского государства, поскольку значителен процент людей по республике – 26%, которые предпочитают модель государства, где ислам играет значительную роль в жизни общества (Малайзия, Саудовская Аравия, Пакистан, Иран, Турция). Это значит, что более четверти опрошенных граждан (!) страны считают, что эффективные модели государственного управления – это государства, где ислам играет значительную роль в жизни общества, а в некоторых из них является государственной идеологией.

По вопросу принципов взаимоотношений государства и религии чуть более половины опрошенных граждан считают, что государство должно взаимодействовать с религией по противодействию радикализму, экстремизму в обществе – 52,5%. Более того, в

региональном аспекте альтернатива того, что «государство должно контролировать религию, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь», была поддержана всеми опрошенными гражданами по республике – 51,8% при этом в региональном разрезе это составило 44% в Джалал-Абадской и Чуйской областях и 59,7% в Иссык-Кульской области.

Тем не менее довольно неожиданным является то, что 22,5% опрошенных граждан ответили, что «государство должно руководствоваться религиозными принципами в управлении обществом». Такой выбор граждан наталкивает на мысль о том, что вероятность исламизации страны не является пугающей для почти четверти населения и, возможно, это есть ожидаемый вариант для некоторых амбициозных религиозных лидеров, активно продвигающих такого рода идеи в умах широкого круга маргинальных страт, а также в некоторых группах киргизстанских элит. В целом можно констатировать, что религия в Киргизстане стала мощной системой, заставляющей считаться с ней на всех уровнях общества, а потому необходим очень взвешенный подход к взаимодействию религиозных и административно-политических элит Киргизской Республики. Власть обращается к религии в решении задач по достижению различных целей, и первую очередь для консолидации полиэтнических обществ [9].

Процесс религиозного возрождения в Киргизстане продолжается, и существуют объективные и субъективные основания полагать, что в ближайшие десятилетия этот процесс будет только набирать обороты и влияние ислама, особенно в социальной жизни и на бытовом уровне, у киргизов будет только усиливаться. При этом можно гипотетически прогнозировать следующие варианты развития:

- наилучший – религия отделена от государства; государство является светским; государство осуществляет четкий контроль в религиозной сфере; религиозные лидеры строго соблюдают предписания соответствующих органов, неукоснительно следуют требованиям отчетности и четко обеспечивают конфессиональное согласие в обществе; государством резко пресекаются любые попытки религиозных элит влиять на социально-политические процессы в обществе; страна развивается по демократическому пути;

- наихудший – религия становится идеологической доктриной страны; амбициозные религиозные деятели становятся духовными лидерами страны; в стране официально признана и действует только одна традиционная религия, ставшая идеологией; страна становится практически мононациональной в результате массовой миграции представителей других наций; многие светские государства мирового сообщества пересматривают взаимоотношения с Киргизстаном; страна может стать закрытым исламским государством по модели Ирана; страна может скатиться в пучину хаоса по сценарию Афганистана;

- реалистичный: религия отделена от государства, и сохраняется светскость государства; государство осуществляет меры, необходимые для реализации программных документов по религии; предпринимаются попытки обеспечить контроль в религиозной сфере с переменным успехом; существуют два типа религиозных лидеров: первые соотносят свою основную деятельность с программными документами страны, вторые стараются всеми возможными способами преподнести себя как религиозные элиты при поддержке заинтересованных институтов-спонсоров; существуют проблемы, которые государственные органы и религиозные деятели пытаются решать через совместную деятельность; существуют вопросы, которые соответствующие государственные органы должны решать исходя из интересов светского государства, из-за чего неизбежны конфликты и необходима постоянная кропотливая работа.

Резюмируя, можно рекомендовать следующее.

- Государственная комиссия по делам религий Киргизской Республики (далее – ГКДР) должна на регулярной основе освещать результаты своей исследовательской деятельности для государственных служащих и муниципальных служащих.

– Рекомендации проведенных ГКДР исследований должны предоставляться в Государственную кадровую службу Киргизской Республики (далее – ГКС) для формирования плана Государственного заказа по курсам переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих.

– ГКДР и ГКС необходимо предоставлять материалы исследований вузам, участвующим в реализации госзаказа, для составления учебных модулей и учебных программ, отвечающих требованиям времени.

– ГКДР провести социологический опрос по регионам с целью выявления степени влияния деятельности даваатчылар на повышение религиозной грамотности среди населения, отношения граждан к методам убеждения даваатистов и в целом к их деятельности.

– ГКДР необходимо работать в тесной связи с Государственным агентством по делам молодежи, физической культуры и спорта Киргизской Республики в связи с возрастающим интересом молодежи к религии.

– Государство должно иметь четкую позицию и видение развития религиозной сферы, независимо от влияния отдельных религиозных течений.

Ссылки на источники

1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_Киргизии.
2. Желтов В. В. Теория власти. – М.: Флинта. МПСИ, 2008. – С. 419.
3. Олбрайт М. Религия и мировая политика. – М.: Альпина БизнесБукс, 2007. – С. 22–23.
4. URL: <http://www.islamsng.com>.
5. URL: <http://voprosik.net/islamizaciya-v-kirgizii>.
6. URL: <http://presskg.com/?p=17101>.
7. URL: <http://www.fergananews.com/articles/9015>.
8. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Киргизской Республике: социол. исследование. – Бишкек, 2016.
9. Молдалиев О. А. Ислам и политика. Политизация Ислама или исламизация политики...? – Бишкек, 2008. – С. 13.

Cholpon Abdyramanova,

Candidate of Pedagogical Sciences, Administration and Management Director of Public Administration Academy Higher Courses under the President of the Kyrgyz Republic

Mufti as representatives of the religious elite in the political processes of the Kyrgyz Republic

Abstract. The article deals with the establishment of the mufti's institution as religious elite representatives in political processes of the Kyrgyz Republic and various aspects of their participation in these processes. The period from independence obtaining until now is analyzed. The struggle for power among the religious elites of Kyrgyzstan acquired unattractive forms sometimes. It is proposed to consider the development of the mufti's institute in a prism of four stages: "old school", "transit", "new generation / scandalous wave" and "state order". There is a need to work out a very balanced approach to the interaction of religious and administrative-political elites of the Kyrgyz Republic.

Key words: Hanafimashab, mufti, religious elite, Shariat, Hajj, Sheyit, religious epoch, administrative and political elite, dawat.

References

1. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Religija_v_Kirgizii.
2. Zheltov, V. V. (2008). *Teorija vlasti*, Flinta. MPSI, Moscow, p. 419 (in Russian).
3. Olbrajt, M. (2007). *Religija i mirovaja politika*, Al'pina BiznesBuks, Moscow, pp. 22–23 (in Russian).
4. Available at: <http://www.islamsng.com> (in Russian).
5. Available at: <http://voprosik.net/islamizaciya-v-kirgizii> (in Russian).
6. Available at: <http://presskg.com/?p=17101> (in English).
7. Available at: <http://www.fergananews.com/articles/9015> (in Russian).
8. (2016). *Vlijanie religioznogo faktora na social'no-politicheskuju situaciju v Kirgizskoj Respublike: sociol. Issledovanie*, Bishkek (in Russian).
9. Moldaliev, O. A. (2008). *Islam i politika. Politizacija Islama ili islamizacija politiki...*? Bishkek, p. 13 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию <i>Received</i>	30.03.18	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	20.04.18
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	20.04.18	Опубликована <i>Published</i>	30.04.18

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2018

© Абдыраманова Ч. Ш., 2018